

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-837-858

Постъевропейский мир, или Что нас ожидает после инволюции Европы? Монизм и отношения с Россией

Часть 1

Р. Саква

Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Текущие противоречия во взаимоотношениях между Россией и Европейским союзом (ЕС) необходимо рассматривать в контексте более глубокого и всеобъемлющего кризиса в области обеспечения безопасности, характерного для периода после окончания холодной войны. В настоящей работе предпринимается попытка структурной интерпретации и выявления четырех взаимосвязанных процессов, которые в той или иной степени способствовали формированию причин данного кризиса. Речь идет, во-первых, о противоречии между логикой территориального расширения ЕС и его структурной трансформации; во-вторых, о динамике инволюции и сопротивления данному процессу; в-третьих, о проблеме монизма, заключающейся в том, что расширяющееся интеграционное объединение не способно адекватно взаимодействовать с иными, не участвующими в интеграции акторами; и, наконец, в-четвертых, о концепциях «Малой», «Широкой» и «Большой Европы», реализация которых потенциально может внести вклад в преодоление текущих кризисных явлений, т.е. инволюции Европы. В свою очередь, наблюдающаяся на сегодняшний день эрозия евроатлантической модели обеспечения безопасности создает определенные предпосылки для того, чтобы наверстать упущенное за предыдущие десятилетия и, в частности, добиться заметной эволюции как в институциональной, так и в идейно-концептуальной сферах.

На основе методологии классического реализма и современных конструктивистских теорий автор анализирует, каким образом недостаток взаимопонимания и ошибки в понимании намерений и действий России, с одной стороны, и Запада — с другой повлекли за собой глубокие структурные и когнитивные противоречия, которые привели к возобновлению конфронтации между евроатлантическим блоком и Россией.

Автор приходит к выводу, что невозможность реализации проекта «Большой Европы» с участием России привела к углублению противоречий между Россией и Западом, а также вынудила Москву искать альтернативу европейской интеграции в проекте «Большой Евразии». При этом Европейский союз также вступил в кризисную стадию, свидетельством чего стал «Брекзит».

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, монизм, «Большая Европа», «Расширенная Европа», «Малая Европа», постбиполярный мир, инволюция

«6 июня 2015 г. папа римский Франциск, выступая в Сараево, с грустью отметил, что ощущает „атмосферу войны“, которой сейчас поражен практически весь мир. По мнению понтифика, напряженная кризисная ситуация в мире отчетливо напоминает ему „третью мировую войну, постепенно разворачивающуюся в самых разных уголках Земного шара. А с развитием глобальных коммуникаций и средств связи эта жуткая, гнетущая атмосфера начинает пронизывать уже все сферы жизни современного общества“». Более того, папа римский отметил, что

«некоторые недалновидные политики сознательно разжигают дух ненависти и войны», а также осудил всех тех, кто ради достижения собственных политических целей поддерживает текущие разногласия или же извлекает прибыль из эскалации насилия¹.

Балканы традиционно, еще со времен Первой мировой войны, являлись исключительно конфликтогенным регионом Европы, и 2014 г. — год столетия с момента начала одной из самых страшных войн в истории человечества — продолжил эту печальную традицию; мир вновь стоял на пороге крупной войны. В настоящее время широкую популярность обрела работа Кристофера Кларка «Лунатики», которая ярко и красочно описывает, каким образом Европа «оказалась втянутой» в страшную мировую войну [Clark 2013]. Сегодня каждый из нас все более отчетливо понимает, что те светлые надежды, которые некогда были связаны с перестройкой, инициированной М.С. Горбачевым, а также с окончанием холодной войны, восстановлением суверенитета целого ряда восточноевропейских государств и наступлением, как предполагалось, эпохи мира и согласия, так и остались несбыточными иллюзиями.

В 2014 г. минуло ровно четверть столетия с момента окончания в 1989 г. холодной войны, однако реальность оказалась далека от радужных и светлых надежд: идеалистические мечты, связанные с крушением Берлинской стены и падением «железного занавеса», оказались в буквальном смысле попорчены и втоптаны в грязь. Вместо появления «единой свободной Европы», как предполагалось в тексте Парижской хартии для новой Европы от 2 ноября 1990 г.², мы оказались свидетелями нового глубокого разделения европейского континента. И в данном контексте украинский кризис, последовавший за Евромайdanом, т.е. революцией в Киеве в феврале 2014 г., стал очевидным симптомом полного провала всех попыток создания новой, универсальной и взаимовыгодной архитектуры европейской безопасности [Sakwa 2016]. Однако следует признать, что эта печальная ситуация была вполне предсказуема, так как стала следствием еще более глубокой проблемы — неудачи в осуществлении структурной трансформации всей международной среды. Непосредственным результатом подобного фиаско стало то, что Россия вновь, в очередной раз, оказалась «чужой» как для евроатлантического блока во главе с США, так и для всего либерального международного порядка в целом.

В связи с очевидным крахом проекта, который М.С. Горбачев некогда назвал «единым общеевропейским домом» (а В.В. Путин — концепцией «Большой Европы»), Россия обратила свои взоры на иную альтернативу — а именно создание нового, постзападного, многополярного мирового порядка [Sakwa 2017]. Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса о том, что именно привело

¹ “Third World War Being Fought Piecemeal”: Pope Francis Slams Global “Atmosphere of War”. AFP, 6 June 2015. URL: <https://www.rt.com/news/265486-pope-francis-sarajevo-bosnia/> (accessed: 10.10.2018).

² ‘Charter of Paris for a New Europe’, Paris, 19—21 November 1990. URL: <https://www.osce.org/mc/39516?download=true> (accessed: 10.07.2018).

к новому разделению Европы и каким образом был упущен тот уникальный исторический шанс, который возник после окончания холодной войны — шанс на коренное преобразование всей системы взаимодействия между европейскими государствами. Кроме того, особый акцент в исследовании будет сделан на изучении того, каким образом наблюдающееся в последние годы разрушение традиционных евроатлантических связей, с одной стороны, создает благоприятные предпосылки для институционального развития европейской подсистемы международных отношений и эволюции ее идейно-концептуального базиса, а с другой — каким образом оно же напрямую ведет к возвращению в мировой дискурс целого ряда прежних, казалось бы давно позабытых проблем.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

После окончания холодной войны сложилось устойчивое впечатление, что приближается, наконец, эпоха мира и согласия. С момента своего назначения в марте 1985 г. на должность Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачев активно работал над реформированием СССР и осуществлением политики перестройки, которая сопровождалась радикальным переосмыслением внешней политики Советского Союза и выработкой так называемого «нового политического мышления». М.С. Горбачев стремился к сохранению за Россией статуса великой державы, однако в то же время планировал всесторонне активизировать сотрудничество с Западом. Он предполагал, что основой нового мирового порядка станет воссоединение двух частей европейского континента. В частности, в своей программной речи, произнесенной на заседании Совета Европы 6 июля 1989 г., М.С. Горбачев изложил свою концепцию единого общеевропейского дома. В то же время он отметил и определенные препятствия к реализации данной концепции на практике: «То, что в различных государствах Европы господствуют совершенно отличные друг от друга социальные системы, — это неоспоримый факт». Кроме того, он признался, что не знает, какой должна быть новая «архитектура [безопасности] нашего „общего дома“»³. Однако несомненным для него было лишь одно — речь должна идти о плюралистической модели Европы, состоящей из целого ряда суверенных образований — своего рода различных, непохожих друг на друга комнат единого дома.

Позднее, в декабре того же 1989 г., М.С. Горбачев отправился с визитом на Мальту, где планировалась его встреча с президентом США Дж. Бушем-ст. Непосредственной целью М.С. Горбачева было официальное оформление политики, основанной на принципе «позитивной трансцендентности», или, другими словами, на идее о том, что окончание холодной войны — это обоюдная победа и Востока, и Запада, которая должна положить начало новому этапу глобальной кооперации [Cohen 2009; Matlock 1995, 2004, 2010]. М.С. Горбачев был твердо убежден в том, что новый европейский порядок должен быть основан на принципах геополитической многополярности и идейного плюрализма.

³ Gorbachev M. 'Europe as a Common Home', Address to the Council of Europe, Strasbourg, 6 July 1989. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/address_given_by_mikhail_gorbachev_to_the_council_of_europe_6_july_1989-en-4c021687-98f9-4727-9e8b-836e0bc1f6fb.html (accessed: 11.11.2018).

Европейская подсистема международных отношений в годы холодной войны характеризовалась биполярностью и наличием четких разделительных линий между Востоком и Западом. Основы данного миропорядка были заложены еще на Ялтинской (февраль 1945 г.) и Потсдамской конференциях (июль—август 1945 г.), подведших черту под Второй мировой войной. Именно тогда была создана та биполярная система международных отношений, которая, с одной стороны, подавляла стремление к свободе тех государств, которые были «зажаты» между Западом и Востоком, а с другой — поддерживала уже сложившийся баланс сил, который гарантировал сохранение хрупкого, но достаточно долгосрочного мира в течение последующих 45 лет. В подобной трактовке «Запад» включал в себя государства, впоследствии сформировавшие ЕС и Североатлантический альянс (НАТО), а также целый ряд нейтральных стран, которые официально не присоединились ни к ЕС, ни к НАТО. В свою очередь, на Востоке преобладал советский блок, который концептуально оформился в 1955 г. в Организацию Варшавского договора (ОВД).

В то же время некоторые страны проводили достаточно независимую внешнюю политику — например, Румыния и особенно Албания, а Югославия даже стала одним из лидеров Движения неприсоединения. Парадоксально, но с окончанием холодной войны системный и институциональный плюрализм как на общеевропейском (континентальном), так и на национальном уровнях оказался полностью подавлен и в конечном счете разрушен. М.С. Горбачев стремился создать в Советском Союзе «гуманный, демократический социализм», который был бы столь же конкурентоспособен, как и капиталистические демократии Запада. Однако он, к сожалению, так и не преуспел в собственных начинаниях и не сумел выполнить программу, некогда сформулированную главными действующими лицами Пражской весны 1968 г. и касавшуюся, в частности, перехода к «социализму с человеческим лицом». Более того, политика М.С. Горбачева фактически привела к полной дезинтеграции страны, последовавшей в 1991 г.

В этой связи правомерно сказать, что встреча двух лидеров — М.С. Горбачева и Дж. Буша-ст. — на Мальте происходила в условиях ускорения распада коммунистической системы и самого Советского Союза, ввиду чего вместо признания обоюдной победы, которого так добивался М.С. Горбачев, саммит фактически зафиксировал лишь определенный сдвиг власти в рамках действующей Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений [Itzkowitz-Shiffrinson 2013]. На наш взгляд, данную ситуацию уместно назвать «негативной трансцендентностью» — феноменом, заключающимся, с одной стороны, в вопиющей неспособности международной системы преодолеть глубокие пережитки и тяжкое наследие холодной войны, а с другой — в конструировании мифологемы о «победе» Запада в глобальном противостоянии. Таким образом, возможность для извлечения совместной прибыли из победы в холодной войне фактически была утеряна. Именно в этот момент и была сформирована та порочная международная среда, которая в конечном счете породит хаос на Украине в 2014 г., а тот, в свою очередь, станет непосредственной прелюдией к возобновлению «общеевропейской гражданской войны» или, другими словами, к началу нового глобального противостояния между Востоком и Западом.

По итогам холодной войны государства, некогда «зажатые» между Востоком и Западом как между молотом и наковальней, были окончательно освобождены от своей печальной участи, но вместо того, чтобы стать частью единого общеевропейского дома, большинство из них присоединились к системе евроатлантической безопасности. В этой связи концепция панъевропейского континентализма, которая призвана была стать мостом, соединяющим Восток с Западом, так и не сумела воплотиться в жизнь, в результате чего в качестве альтернативы евроатлантической модели возникла концепция евразийской / азиатской интеграции. Непосредственным итогом холодной войны стала отчетливая асимметрия международной системы: западные институты и структуры восторжествовали, в то время как их восточные оппоненты были полностью демонтированы. Вследствие данного обстоятельства однополярная монистическая система полностью возобладала над своими альтернативами, а России — правопреемнице СССР — не было предоставлено возможности ни участия, ни сопротивления новому миропорядку. Именно это состояние постоянной скованности и ограниченности и характеризовало те 25 лет холодного мира, в годы которого Россия ощущала себя находящейся в стратегическом тупике [Sakwa 2013].

Стране некуда было идти. По самым разным причинам — например, из-за собственных необозримых размеров, глобальных амбиций, войны в Чечне и острых проблем внутривластного характера — Россия не имела возможности присоединиться ни к ЕС, ни к НАТО, хотя, справедливости ради, необходимо признать, что в период холодного мира определенное сближение между ними все же было достигнуто. При этом российские попытки создать собственную систему альянсов на постсоветском пространстве не только не принимались в расчет, но и категорически осуждались Западом как стремление к возрождению гегемонизма имперского типа [Slobodchikoff 2014].

Территориальные противоречия на постсоветском пространстве по-прежнему остаются одним из наиболее острых вопросов во взаимоотношениях между Россией и Западом. Российские сторонники евроатлантической модели интеграции в начале 1990-х гг. искренне надеялись, что их страна присоединится к Западу, в результате чего образуется так называемый «Большой Запад», который не только расширится территориально, включив в себя демократическую Россию, но и претерпит существенные структурные трансформации. Однако в реальности после окончания холодной войны вместо «Большого Запада» сохранился прежний, старый, исторический Запад, который предпочел долгое время упиваться своей мнимой победой в глобальном противостоянии. Российские же идеи относительно новой архитектуры европейской безопасности оказались полностью проигнорированными на основании того, что они якобы были неоднозначны или трудновыполнимы — или одновременно и то и другое [Baranovsky 2000].

Первые нотки разочарования были слышны уже в речи министра иностранных дел России А.В. Козырева, произнесенной им на заседании Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Стокгольме 14 декабря 1992 г. Предостерегая Запад относительно того, что следующий министр иностранных дел России вполне может оказаться гораздо более консервативным

в своих взглядах, А.В. Козырев заявил также об угрозе нового «железного занавеса», поскольку «традиции России — и это необходимо понимать — находятся не только в Европе, но и в Азии, и это в существенной степени ограничивает сближение России с Западом». По словам Козырева, ситуация осложнялась еще и тем, что сам Запад «постепенно наращивает собственное военное присутствие в Прибалтике»; кроме того, министр отметил потенциальную опасность войны с Украиной⁴. Это претенциозное выступление было тем более шокирующим, что сам А.В. Козырев по праву считался одним из наиболее последовательных сторонников евроатлантизма. В итоге речь А.В. Козырева фактически оказалась пророческой — впрочем, принять ее всерьез на основании тех рациональных доводов, которые имелись в начале 1990-х гг., было достаточно сложно.

Таким образом, сложилось безвыходное положение, с самого начала сопровождаемое обоюдным недовольством и Востока, и Запада. В частности, уже в декабре 1994 г. президент России Б.Н. Ельцин впервые использовал термин «холодный мир». Выступая на сессии СБСЕ в Будапеште (той самой, на которой СБСЕ была переименована в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)), он предупредил, что американский план расширения НАТО может обречь Европу на наступление эпохи «холодного мира». Кроме того, Б.Н. Ельцин подчеркнул, что «история наглядно демонстрирует, сколь опасно заблуждение, будто судьбами континентов и всего мирового сообщества можно управлять из одной столицы». Эти слова звучали вполне в духе Владимира Путина — и произнесены они были еще за десятилетие до того, как последний обратил огонь своей критики на монистическую природу все более расширяющейся системы евроатлантической безопасности. На том же заседании СБСЕ государства Центральной Европы объявили о своем намерении вступить в НАТО, а президент Польши Л. Валенса — имея в виду, конечно же, Россию — отметил, что ни одна страна мира не имеет права накладывать вето на суверенный выбор других государств региона. Данная точка зрения была затем в общих чертах поддержана и в выступлении президента США Б. Клинтона⁵. В свою очередь, А.В. Козырев в очередной раз предупредил, что в подобной ситуации выбор Запада по сути лежит между налаживанием взаимовыгодного сотрудничества с Россией и наступлением эпохи «холодного мира» [Kozyrev 1995].

По большому счету, это было первое предупреждение о последствиях формирования в Европе однополярной, монистической системы международных отношений, в рамках которой нет места для посторонних. Мнимые «победители» в холодной войне не могли предвидеть, к чему приведут их действия — и в первую

⁴ Safire W. Kozyrev's Wake-Up Slap // New York Times, 17 December 1992. URL: <https://www.nytimes.com/1992/12/17/opinion/essay-kozyrev-s-wake-up-slap.html> (accessed: 11.07.2018).

⁵ См.: Kempster N., Murphy D.E. Broader NATO May Bring "Cold Peace": Yeltsin Warns. Europe: Russian president accuses U.S. of being power hungry. Speech comes as nations finalize nuclear treaty // Los Angeles Times, 6 December 1994. URL: http://articles.latimes.com/1994-12-06/news/mn-5629_1_cold-war (accessed: 11.07.2018).

очередь это касается тех политиков, что были впечатлены либерально-историко-софской концепцией «конца истории», сформулированной Ф. Фукуямой [Fukuyama 1989, 1992]. При этом основная проблема заключалась в том, что парадигма монистического либерализма допускала дискуссию лишь о том, как именно управлять однополярной системой, но отнюдь не о том, как можно ее преобразовать.

Продвижение Запада на Восток сопровождалось попытками подсластить горькую пилюлю. Так, в основополагающем акте Россия — НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности, заключенном в мае 1997 г., было отмечено, что «НАТО и Россия более не рассматривают друг друга в качестве противников»; кроме того, представители Североатлантического альянса обещали не размещать ядерное оружие и постоянные вооруженные силы на территории новых членов НАТО в Восточной Европе, а также активизировать работу над адаптацией Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Кроме того, был создан Совместный постоянный совет Россия — НАТО (СПС)⁶, а в 1998 г. Б. Клинтон поддержал присоединение России к «Большой семерке» (G7), и, хотя Россия никогда не была полностью интегрирована в финансовые механизмы Запада, ее членство в данной организации имело огромное символическое значение. Необходимо отметить, что администрации Б. Клинтона было достаточно непросто добиться принятия всех вышеуказанных мер, так как ей пришлось столкнуться с серьезной оппозицией и ожесточенной критикой внутри страны касаясь тех уступок России, которые якобы имели место на международной арене⁷. Данный факт наглядно подтверждает тезис о том, что еще до начала сопротивления происходящим внешнеполитическим трансформациям со стороны России в период президентства В.В. Путина значительной частью американской элиты Москва уже воспринималась как потенциальный стратегический соперник и конкурент Соединенных Штатов [Stent 2014].

Пожалуй, ситуация 1999 г., когда Совместный постоянный совет Россия — НАТО не смог обеспечить должный уровень взаимопонимания между сторонами во время войны в Косово и бомбардировок Сербии силами НАТО, знаменовала собой поворотный момент в процессе разрушения постбиполярного миропорядка, сформировавшегося после окончания холодной войны. Тем не менее, после 11 сентября 2001 г., в благодарность за поддержку со стороны России американской стратегии борьбы с терроризмом, был создан расширенный Совет Россия — НАТО (май 2002 г.). Правда, в итоге новая структура так и не сумела достичь своей цели и обеспечить примирение между двумя сторонами.

Даже в самые лучшие времена кооперация между Россией и США носила достаточно ограниченный характер. Так, широкую известность получили слова Е.М. Примакова, министра иностранных дел России в период с января 1996 г. по сентябрь 1998 г., а впоследствии — премьер-министра России, сказанные им

⁶ 'Founding Act on Mutual Relations, Cooperation and Security between NATO and the Russian Federation', 27 May 1997. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25468.htm (accessed: 11.07.2018).

⁷ См.: Talbott S. *The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy*. NY: Random House, 2003. P. 253.

с неодобрительной настороженностью государственному секретарю США М. Олбрайт в конце 1990-х гг.: «Иногда я не уверен, сколько еще Вашей дружбы мы сумеем вытерпеть»⁸. Иные представители российского истеблишмента были менее иносказательны и метафоричны в своих высказываниях, утверждая, что «условия обхождения Запада с Россией после окончания холодной войны со временем становились все более жесткими; несмотря на всю риторику об обоюдной победе, США явно не желали проявлять щедрость и умеренность по отношению к своему партнеру»⁹. Критики современной международной системы утверждают, что создание Совета Россия — НАТО и иные подобные действия были не чем иным, как горькой пилюлей в сладкой оболочке, которая по сути призвана была замаскировать под видом дружбы отчетливое стремление Запада как можно полнее использовать плоды собственной победы [Kasparov 2015]. Другими словами, вместо плюралистической Европы, проект которой был предложен М.С. Горбачевым, в итоге возобладало однополярное, монистическое мировосприятие. Сама по себе логика монизма отнюдь не была направлена на изоляцию, унижение и тем более наказание России, однако проблема заключалась в том, что свои истоки она черпала из логики и принципов евроатлантической модели обеспечения безопасности, неотъемлемой частью которой являлся ЕС, — а значит, потенциал взаимодействия данной модели со всеми внешними акторами (в том числе с Россией) был значительно ограничен.

Таким образом, причины текущего плачевного состояния российско-атлантических взаимоотношений невозможно понять, концентрируя свое внимание только лишь на поисках виноватых — например, на осуждении Запада за его самоуверенность, триумфализм и нежелание учитывать проблемы других или России — за возвращение к авторитаризму и империалистической внешней политике. Структурный анализ, представленный в настоящей статье, является попыткой выйти за рамки подобного рода субъективных восприятий и осознать подлинные, объективные причины начала новой эры глобального противостояния. Для достижения данной цели нам потребуется объединить сильные стороны классического реализма и современных конструктивистских теорий, чтобы понять, каким образом взаимные ошибки в восприятии намерений и действий всей гаммы международных акторов повлекли за собой столь глубокие структурные и когнитивные противоречия, которые и вылились в конечном счете в возобновление конфронтации между Россией и Западом.

Бесспорно, сопоставление относительной мощи различных международных акторов имеет важное научное значение — точно так же, как и оценка разного рода субъективных факторов. В данном контексте уместно упомянуть, что Россия — это прямая наследница и правопреемница Советского Союза, которая, хотя и располагает лишь половиной населения последнего, тем не менее, имеет целый ряд преимуществ, полученных от собственного предшественника — напри-

⁸ См.: Talbott S. *The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy*. NY: Random House, 2003. P. 254.

⁹ Ibid. P. 294.

мер, ядерное оружие, прочные договорные обязательства и постоянное место в Совете Безопасности ООН, а также глобальные амбиции на пространстве Большой Евразии [Норф 2002]. В течение первых полутора десятилетий после окончания холодной войны Москва была сосредоточена преимущественно на внутренних преобразованиях и решении наиболее острых и насущных экономических проблем, хотя руководство России, бесспорно, пребывало в некотором раздражении относительно того стратегического тупика, в котором оказалась страна после крушения биполярной системы международных отношений. В частности, одним из самых известных критиков новой, постбиполярной системы мировой политики и безопасности стал упоминавшийся ранее Е.М. Примаков, который посвятил всю свою внешнеполитическую деятельность созданию многополярного мира посредством заключения союза между Россией, Индией и Китаем [Примаков 2014]. В свою очередь, пришедший к власти в 2000 г. В.В. Путин первоначально направил свои усилия на выход из стратегического тупика посредством создания общего политического, экономического и гуманитарного пространства с ЕС, тем самым продемонстрировав свою несомненную приверженность концепции «Большой Европы». Более того, он даже предпринял попытку сближения с НАТО, а в перспективе — и вступления в данную организацию [McFaul 2018: 59—60].

Все эти усилия в итоге обернулись полным провалом, и к середине 2000-х гг. в России активизировалась критика текущей международной системы, которая де-факто оставляла страну за бортом евроатлантического мира; параллельно с этим Москва обратила свой взор на интенсификацию проекта евразийской интеграции. Пожалуй, можно сказать, что точка зрения В.Л. Цымбурского о том, что Россия — это своего рода «остров», который не имеет своего места в структурном и культурном пространстве Европы, оказалась удивительно близка к истине [Межуев 2017]. Впоследствии концепция «островной России» была проанализирована в статье заместителя главы Администрации президента России В.Ю. Суркова [Сурков 2018] — в своем исследовании он характеризовал Россию как «полукровку», которой нет места ни в Европе, ни в Азии и которая приговорена к «столетию геополитического одиночества».

Согласно российской точке зрения, окончание холодной войны не принесло долгожданного потепления в международных отношениях, так как идея «Большой Европы», которая могла бы стать важнейшим шагом на пути к интенсификации интеграционных процессов и достижению общеевропейского мира, так и осталась нереализованной. Вместо расширения кооперации и взаимного приспособления произошло прямо противоположное — восторжествовали принципы монизма, и началось интенсивное расширение того, что мы называем историческим Западом. Какими бы ни были достоинства западной цивилизации, ее нормы, институты и принципы обеспечения безопасности никоим образом не содействовали решению проблемы территориальной целостности России, что, в свою очередь, накладывало негативный отпечаток на эффективность внешнеполитического курса Москвы [Tsygankov 2014].

К 2014 г. стало окончательно ясно, что, несмотря на все усилия по смягчению накопившихся противоречий, Россию невозможно безболезненно включить в существующие структуры евроатлантической безопасности. Россия была слишком большой, независимой, гордой и в конечном счете слишком сильной, чтобы стать частью «Большого Запада». Геополитические амбиции Москвы в сочетании с ее самоидентификацией в качестве великой державы означали, что ее невозможно в полной мере интегрировать в Западную цивилизацию. И если в первые годы после окончания холодной войны Россия в целом была готова приспособиться к требованиям нового мирового порядка, сформированного евроатлантическим сообществом, то в последующие десятилетия она пришла к выводу, что эти требования чересчур обременительны. В частности, российская элита, всецело поддерживая идею европейского плюрализма, в то же время активно сопротивлялась навязываемой извне европеизации, которая выдвигалась в качестве неотъемлемого условия для расширения кооперации с ЕС [Kratochvíl 2008]. Таким образом, подход, основанный на концепции принудительной европеизации России, оказался крайне неэффективным и не повлек за собой трансформацию внутри- и внешнеполитического курса Москвы [Grabbe 2006]. В итоге противоречие между двумя логиками интеграции неминуемо привело к болезненному разрыву России с Западом. Москва все отчетливее ощущала себя находящейся в стратегическом тупике: с одной стороны, она не могла вступить ни в НАТО, ни в ЕС, а с другой — ее собственное пространство суверенного развития было ограничено, а амбиции великой державы не могли быть в полной мере удовлетворены. Четверть столетия холодного мира приближались к концу — и на смену им приходила новая эпоха конфликтов и сопротивления.

РАСШИРЕНИЕ И ИНВОЛЮЦИЯ

За 25 лет холодного мира ни одна из фундаментальных проблем европейской безопасности так и не была решена, что породило основу для дальнейшего нарастания напряженности и накопления взаимных претензий. Европа вновь — как это было уже не раз — стала ареной вялотекущей «гражданской войны» между Западом и Востоком [Mazower 2000]. До сих пор прямого военного конфликта удавалось избежать, однако на сегодняшний день стало совершенно очевидно, что новый, более спокойный и благоприятный миропорядок создать так и не удалось, хотя обоснованные надежды на это были еще в 1989 г. Данная неудача, бесспорно, не могла не сопровождаться поиском виноватых в утрате благоприятной возможности для политического объединения всего европейского континента. Именно поэтому в настоящее время мы и стали свидетелями нескончаемого потока взаимных обвинений, озвучиваемых представителями Москвы, Брюсселя, Киева, Варшавы и Вашингтона, причем большая часть этих обвинений и обид носит абсолютно иррациональный характер и опирается на огромный массив «альтернативных фактов» в сочетании с полным пренебрежением поисками объективной истины. На наш взгляд, коренной причиной новой холодной войны стала вопиющая неспособность ключевых европейских акторов к созданию прочной и взаи-

мовыгодной институционально-идеологической основы для объединения всего европейского континента [Zwolski 2016]. Данная ситуация усугублялась еще и тем, что «Малая Европа» в лице ЕС самым очевидным образом претендовала на нормативную и геополитическую гегемонию в рамках региона, позиционируя собственную политику в качестве окончательного воплощения идеалов и устремлений всей «объединенной и свободной» Европы [Towards a Greater... 1992: 1].

Отчасти данная точка зрения была вполне оправдана, поскольку ЕС действительно представляет собой логичный и рациональный ответ на проблему обеспечения безопасности Европы — проблему ее многовековой раздробленности, неравномерного развития и, конечно же, многократно повторяющихся войн и вооруженных конфликтов. Образование ЕС, бесспорно, не привело к решению всех этих проблем, а некоторые дисбалансы еврозоны даже усугубили текущие противоречия, однако следует признать очевидное: на сегодняшний день ЕС являет собой пример одного из самых успешных региональных интеграционных блоков неимперского типа в человеческой истории, и в качестве такового он уже достиг значительных успехов на западе континента. Однако, как это ни парадоксально, тот же самый успех фактически подорвал способность ЕС к достижению аналогичного результата на востоке Европы — а значит, и в общеевропейском, панконтинентальном масштабе. Между тем после 1989 г. основная задача ЕС как раз и сводилась к тому, чтобы повторить локальные успехи Западной Европы в масштабах всего континента — и в достижении данной цели Евросоюз потерпел сокрушительное фиаско.

Отношения ЕС с Россией долгое время характеризовались назидательным, менторским тоном, основанным на примитивно историцистском подходе, согласно которому все действия, с успехом реализованные в Западной Европе, вполне применимы и к России — стране, традиционно сталкивавшейся с серьезными проблемами в сфере обеспечения безопасности и опиравшейся на совершенно отличный от Европы исторический опыт [Prozorov 2016]. ЕС же остался по сути чисто функциональным, утилитаристским проектом, изначально основанным на концепциях технократии и бюрократизма. В свою очередь, внешнеполитический курс ЕС, основанный на нормативно-ценностном дискурсе, стал венцом, высшим достижением европейской интеграции, позволившим перековать мечи на орала — а точнее, заменить меч пером. Однако проблема заключалась в том, что логика расширения ЕС в постбиполярную эпоху оказалась абсолютно неприемлемой для России [Maas 2016].

Возможно, сейчас, с высоты прошедших десятилетий, мы можем назвать надежды и чаяния Москвы на структурные преобразования европейской системы обеспечения безопасности наивными и простодушными, однако поначалу, сразу после окончания холодной войны, они действительно базировались на достаточно прочном фундаменте — на общей нормативно-правовой базе и сходных интересах двух частей континента. Впрочем, достаточно быстро возник конфликт между двумя разными — если не сказать прямо противоположными — логиками и моделями интеграции: территориальным расширением ЕС и его институциональной трансформацией. К сожалению, взаимовыгодного компромисса в сфере

углубления европейской интеграции так и не было найдено, что обусловило отчуждение и дальнейший разрыв отношений между двумя сторонами [Forsberg, Naukkala 2016]. По сути, именно эта конкуренция двух моделей интеграции и привела к геополитической катастрофе, как только дело дошло до столкновения в том регионе, который традиционно считался для России «ближним зарубежьем» [Averge 2009]. Уже в самом этом термине заложена определенная логика конфликта, согласно которой страны, зажатые между Востоком и Западом, вынуждены выбирать свое будущее из двух конкурирующих интеграционных альтернатив.

В результате вместо долгожданного урегулирования ситуации в Европе после 1989 г. возобладали логика территориального расширения существующих интеграционных институтов, причем данное положение относилось не только к ЕС, но и к НАТО — двум структурам, которые вместе и составляют ядро системы евроатлантической безопасности, т.е. исторического Запада. Территориальное расширение означало не что иное, как распространение на новые регионы Европы уже существующего порядка вещей со всеми его недостатками, историческими предрассудками и багажом холодной войны, тогда как иная альтернатива — структурная трансформация и взаимная адаптация, на которой настаивали сначала советские, а затем и российские лидеры, — в итоге была отвергнута. Российское руководство надеялось, что присоединение России к историческому Западу приведет к образованию «Большой Европы», сотрудничество в рамках которой будет основано на диалоге и учете взаимных интересов. Возможно, это была достаточно наивная и идеалистическая позиция, из-за которой М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин подвергались серьезной критике у себя на родине, однако стоит признать, что подобный идеализм был вполне уместным, поскольку теоретически использование подобного подхода могло бы повлечь за собой преодоление тяжелого наследия холодной войны, выражающегося в разделении Европы между Востоком и Западом. Впрочем, стоит признать, что некогда, спустя десятилетие после окончания Второй мировой войны, подобный идеализм оказался отнюдь не бесполезен, породив создание прочного интеграционного объединения — Европейского экономического сообщества (ЕЭС) [Laughland 1998].

Однако в последние годы холодной войны ситуация сложилась совершенно иначе: мнимые «победители» в глобальном противостоянии, опасаясь институционального и нормативного ослабления ЕС, приняли решение укрепить собственные позиции не путем структурной трансформации интеграционного блока, а посредством его территориального расширения. Фактически это означало, что ЕС так и не сумел отбросить тяжкие пережитки и предрассудки эпохи холодной войны и в результате оказался закованным в кандалы тесной системы евроатлантической безопасности. В свою очередь, данный прискорбный факт полностью исключал возможность дальнейшего развития ЕС в качестве самостоятельного центра силы в международных отношениях, а также препятствовал формированию единой, общеевропейской повестки дня по самому широкому спектру вопросов.

Именно этот процесс и назван в настоящей статье «инволюцией». В биологии под инволюцией понимается ситуация, когда организм по тем или иным причинам замыкается в себе и начинает уменьшаться в размерах, т.е. фактически речь идет

о феномене, полностью противоположном процессу эволюции. Ранее данный термин был использован для объяснения распада Советского Союза [Questioning Geopolitics... 2000] и анализа быстрого краха российской экономики в 90-х гг. XX в. В частности, М. Буравой [Burawoy 1996] утверждал, что российская экономика подорвала собственные силы, начав перераспределение средств из производственного в торговый сектор.

Обращаясь к феномену инволюции ЕС, мы сразу же сталкиваемся с тремя взаимосвязанными моментами. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что в 1990-х гг. вопрос зачастую ставился с точки зрения либо «территориального расширения», либо «структурного углубления» европейской интеграции, однако в конечном итоге значительные изменения произошли и по одному, и по другому направлению. Так, последовательные волны территориального расширения ЕС привели к увеличению общего количества членов организации с 12 (на момент завершения холодной войны в 1989 г.) до 28 (27 — после «Брекзита»). Что касается углубления интеграции, то здесь мы не будем вдаваться в подробности — отметим лишь, что целый ряд договоров Европейского союза — от Маастрихтского (1992 г.) до Лиссабонского (2009 г.) — значительно расширили и видоизменили институциональную структуру ЕС. В то же время даже введение единой валюты — евро — не привело к переводу денежно-кредитной политики на общеевропейский, наднациональный уровень; и хотя британские сторонники «Брекзита» регулярно жаловались на создание европейского «супергосударства», тем не менее, следует признать, что в целом компетенции наднациональных органов Евросоюза так и не были сколь-нибудь серьезно расширены.

Во-вторых, несмотря на введение Общей внешней политики и политики безопасности ЕС (ОВПБ, или CFSP), основные решения по вопросам обороны и обеспечения безопасности по-прежнему принимались на сугубо национальном уровне, и даже робкие попытки изменить текущую ситуацию наталкивались на активное сопротивление со стороны защитников приоритета НАТО в данной сфере.

В-третьих, с точки зрения концептуальной составляющей, в период после окончания холодной войны идеологическая, или идейно-доктринальная, основа политики ЕС стала в еще большей степени неотъемлемым элементом единой евроатлантической системы. В связи с этим любые попытки выработки сколько-нибудь устойчивой и полностью независимой внешней политики ЕС сталкивались с возражениями того рода, что в перспективе подобная независимость Евросоюза от США вполне может сыграть на руку Москве. Это отнюдь не означает, что у ЕС совершенно не было собственной внешнеполитической линии по таким важным вопросам, как, например, ситуация в Палестине или Иране. Однако в целом, вплоть до недавнего времени, во внешнеполитическом дискурсе Евросоюза по-прежнему присутствовали некоторые элементы евроатлантической «дисциплины», что выражалось в очевидном стремлении Европы согласовывать свои действия на международной арене с Соединенными Штатами Америки. В частности, значительные ограничения, касающиеся сферы внешней политики ЕС, нашли свое отражение в тексте *Глобальной стратегии Евросоюза (EUGS)*, опубликованной Европейским Советом 28 июня 2016 г., т.е. всего через несколько дней после

проведения референдума о выходе Великобритании из состава ЕС («Брекзита»). Текущая ситуация с недостаточно самостоятельным внешнеполитическим курсом ЕС уклончиво характеризруется в тексте данного документа «стратегической автономией» Евросоюза¹⁰.

В то же время избрание в ноябре того же 2016 г. президентом США Д. Трампа в сочетании со слабо скрываемой неприязнью последнего к ЕС и его мнением, что блок НАТО «давным-давно морально устарел», — все это может, как ни парадоксально, положить конец периоду институциональной и концептуальной инволюции Евросоюза и дать новый импульс развитию европейского интеграционного проекта — импульс, аналогичный тому, что некогда был дан Европейскому экономическому сообществу при Ш. де Голле. В свою очередь, перспективы преодоления текущей инволюции ЕС будут более подробно рассмотрены ниже, в последнем разделе настоящей публикации.

В годы холодного мира структурная трансформация европейской подсистемы международных отношений шла исключительно медленными темпами, ввиду чего в конечном итоге возобладала иная альтернатива — а именно территориальное расширение евроатлантического блока, что повлекло за собой два ключевых последствия. Во-первых, произошла значительная радикализация евроатлантического проекта как в идеологической, так и в политической плоскостях. В частности, по словам Ч. Краутхаммера [Krauthammer 1991], установление однополярного миропорядка привело к распространению гегемонии США на территорию за пределами Западной Европы. Безусловно, это было с энтузиазмом воспринято бывшими государствами советского блока, которые ранее входили в Организацию Варшавского договора, а теперь имели возможность «укрыться» под американским зонтиком. Однако данная ситуация лишь закрепляла прежние международные паттерны и тяжкое наследие времен холодной войны, в то же время никоим образом не способствуя дальнейшему развитию европейского интеграционного проекта.

Вторым следствием того, что после окончания холодной войны возобладала логика территориального расширения, а не структурной трансформации ЕС, можно назвать очевидную инволюцию Евросоюза: метафорически выражаясь, он оказался связанным по рукам и ногам в своем собственном «коконе» — том самом, в котором он некогда появился на свет. После окончания холодной войны Москва вполне обоснованно ожидала, что именно ЕС станет ядром — своего рода сердцевинной — нового миропорядка, благодаря которому бывшие противоречия канут в Лету, а Европа, наконец, обретет полную правосубъектность и собственный политический голос. Более того, Россия сама по себе стремилась стать неотъемлемой частью нового миропорядка. Первоначальная идея российского руководства заключалась в том, что в перспективе «Малая Европа» должна эволюционировать в «Расширенную» (Wider) — и произойти это должно в первую

¹⁰ Shared Vision: Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. P. 33. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf (accessed: 11.07.2018).

очередь благодаря включению России в европейскую подсистему международных отношений — например, посредством оформления между сторонами того или иного «стратегического альянса» [Бордачев 2009]. Впоследствии среди российского истеблишмента возобладала иная точка зрения, которую условно можно назвать концепцией «Большой (Greater) Европы». Данный плюралистический проект подразумевал, что в состав объединенной Европы должны входить не только ЕС и Россия, но также Турция, Украина и целый ряд иных государств региона; целью же проекта было заявлено нечто вроде создания своего рода «Соединенных Штатов Европы» [Karaganov, Bordachev 2009, 2010]. К сожалению, ни один из этих двух проектов так и не был реализован; вместо этого произошло дальнейшее укрепление евроатлантического блока, которое повлекло за собой отбрасывание России из Европы к ее евразийскому хартленду.

Когда в 1990-х гг. Россия вступила в эпоху тяжелых экономических и социальных потрясений, казалось, что ее взгляды на специфику международной среды вполне можно игнорировать. Негативная трансцендентность периода холодной войны, сохранившаяся после окончания последней и характеризовавшаяся очевидным смещением центра силы во всемирном масштабе, препятствовала сколь-нибудь серьезной структурной трансформации европейской подсистемы международных отношений, что в итоге привело к сохранению идеологии холодной войны и сформировало благодатную почву для взаимного недовольства, обид и, как следствие, возобновления глобального противостояния. При этом поддержка со стороны России идеи максимальной автономии и полной политической самостоятельности ЕС рассматривалась как попытка вбить «клин» между двумя элементами — своего рода крыльями — евроатлантического альянса, что опять же самым негативным образом сказывалось на перспективах панъевропейского объединения. Аналогичным образом Евросоюз, пребывая в ловушке своего собственного атлантического кокона, очень скоро ощутил все негативные последствия данного факта: его поступательное развитие уступило место инволюции, и вместо решения целого ряда исторических проблем континента ЕС фактически занялся сначала сохранением, а затем и углублением традиционных разделительных линий на территории Европы. Частично это прискорбное обстоятельство было связано с усилением монистического начала в международных отношениях постбиполярной эпохи. Более того, не будет преувеличением сказать, что сам по себе монизм международной среды можно рассматривать как неизбежное следствие политики территориального расширения ЕС, а не его структурной трансформации [Prozorov 2016].

Ниже мы обязательно вернемся к расширенной трактовке термина «монизм», однако в настоящем разделе статьи нам хотелось бы вкратце отметить, что данное понятие подразумевает абсолютное преобладание той или иной модели нормативного поведения, которая позиционируется в качестве всеобщей и универсальной для самых разных стран мира. Возникновение монизма в период после окончания холодной войны было в первую очередь связано с характеристиками и конфигурацией самой международной среды. При этом речь идет совершенно не о том, внес ли либеральный международный порядок во главе с США значительный

вклад в достижение всеобщего блага, так как данный факт представляется бесспорным и несомненным. Речь идет скорее о специфике взаимодействия лидеров нового мирового порядка с иными международными акторами, оставшимися за его бортом, и, в том числе, с Россией [Ikenberry 2011]. В случае с последней нормативные устремления Москвы в 1990-е гг. полностью совпадали с основополагающими принципами атлантической системы, однако как только речь заходила о соображениях власти, статуса и безопасности — все становилось гораздо сложнее. И эта проблема еще более усугубилась после прихода к власти В.В. Путина.

В конечном итоге для России цена адаптации и включения в новый миропорядок и атлантическую нормативную систему оказалась слишком высока — и в первую очередь это касалось таких сфер, как сохранение статуса великой державы и самостоятельности в принятии ключевых внешнеполитических решений, обеспечение безопасности и защита собственного суверенитета на международной арене. В этой связи представляется вполне логичным, что Россия все более активно и настойчиво стала выступать за структурный плюрализм, развитие многополярного мира и примат принципа разнообразия политических систем в глобальном масштабе [Smith 2013]. В свою очередь, критики курса Москвы столь же правомерно указывали на наличие существенного противоречия между защитой принципа плюрализма во внешней политике и построением монистической системы управления — во внутренней. В качестве ответа на данный аргумент Россия приводила тезис, характерный для концепции политического реализма и заключающийся в том, что направленность внешней политики абсолютно не зависит от особенностей внутривнутриполитического курса государства; сторонники же либеральной парадигмы теории международных отношений настаивали на обратном [McFaul 2018].

Не имея возможности согласования различных моделей континентальной интеграции, Россия и Запад вполне закономерно вступили между собой в конфликт. Экспансионистские амбиции «Малой Европы» приняли форму уже упоминавшегося ранее проекта «Расширенной Европы», который, в отличие от российской версии данного проекта, не подразумевал сколько-нибудь существенной структурной трансформации Европейского союза, а воспринимался лишь как пространственно-территориальное расширение границ «старой Европы» времен холодной войны. Это означало сохранение прежней системы международного взаимодействия со всеми ее противоречиями и дисбалансами, а также подразумевало под собой полное игнорирование культурного разнообразия и историко-национальной идентичности государств «другой (т.е. Восточной) Европы» [White, Feklyunina 2014].

В свою очередь, технократическая логика расширения «сферы влияния» ЕС полностью игнорировала негативные последствия от применения на практике подобного политического подхода. Одним из наиболее ярких проявлений данной тенденции стал запуск в мае 2009 г. «Восточного партнерства ЕС» — проекта, который в будущем станет подлинным камнем преткновения и одной из важнейших причин новой конфронтации между Востоком и Западом [Corsey, Pomorska

2014]. Кроме того, концепции «Малой» и «Расширенной» Европы столь глубоко укоренились в идеологии атлантического сообщества, что начали самым очевидным образом препятствовать дальнейшему развитию панъевропейских структур и институтов. В результате выдвинутый Москвой проект «Большой Европы», который своими корнями уходил в идею Ш. де Голля о построении единого европейского сообщества, состоящего из полностью суверенных и независимых государств-наций, так и не обрел сколь-нибудь значимой содержательной, институциональной или политической формы. В свою очередь, В.В. Путин, в общем и целом, остался верен идеализму своих предшественников, хотя и стремился обеспечить интеграцию России в расширяющееся атлантическое сообщество на более выгодных, чем предлагались ранее, условиях. В итоге абсолютная невозможность достижения данной цели породила политическую фрустрацию и разочарование. Положение усугублялось еще и тем, что новый импульс территориальному расширению евроатлантической модели был придан массовым вступлением государств Центральной и Восточной Европы в НАТО и ЕС в 2004 г., тогда как адекватной формы взаимодействия с Россией по данному вопросу выработано так и не было.

Таким образом, к 2012 г. был полностью сформирован широкий комплекс причин, способных породить новое противостояние между Востоком и Западом, ввиду чего обе стороны принялись разрабатывать новые стратегии взаимодействия в изменившейся международной обстановке. С момента возвращения на должность президента России В.В. Путина был резко активизирован проект евразийской интеграции, что в конечном счете спровоцировало конфликт с ЕС, поскольку политика расширения последнего достигла своего логического завершения — готовности к подписанию с Украиной Договора об ассоциации в Вильнюсе в конце ноября 2013 г. Еще одним шагом к глобальному противостоянию стали планы России по укреплению взаимоотношений и последующему формированию антигегемонистского блока с Китаем и целым рядом иных стран мира. В 2016 г. данный замысел обрел конкретные очертания в виде проекта «Большой Евразии», подразумевавшего сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и инициативы «Экономический пояс Шелкового пути». В результате новое разделение Европы стало свершившимся фактом, что самым негативным образом сказалось на возможностях последней выступать в качестве единого и крупного актора современной мировой политики. А не будучи таковым, Европа и вовсе грозила прекратить свое существование в качестве независимой политической единицы, т.е. раз и навсегда уйти в небытие. Европейский союз фактически утратил собственную автономную правосубъектность, ввиду чего в постбиполярной системе международных отношений вновь стал преобладать традиционный дискурс взаимодействия между великими державами. Таким образом, отсутствие компромисса между различными концепциями объединенной Европы в сочетании с торжеством проекта «Большого Запада» спровоцировало инволюцию европейского порядка и начало новой холодной войны в глобальном масштабе [Cohen 2017; Legvold 2016].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бордачев Т.В.* Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки». М.: Европа, 2009.
- Межуев Б.* «Остров Россия» и российская политика идентичности. Неусвоенные уроки Вадима Цымбурского // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ostrov-Rossiya-i-rossiiskaya-politika-identichnosti-18657> (дата обращения: 20.07.2018).
- Примаков Е.М.* Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: Изд-во МГУ, 2014.
- Сурков В.* Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. 2018. № 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477> (дата обращения: 9.05.2018).
- Averre D.* Competing Rationalities: Russia, the EU and the “Shared Neighbourhood” // Europe-Asia Studies. Vol. 61. N 10, December 2009. P. 1689—1713. DOI: 10.1080/09668130903278918.
- Baranovsky V.* Russia: A Part of Europe or Apart from Europe? // International Affairs. 2000. Vol. 76. N 3. P. 443—458. DOI: 10.1111/1468-2346.00145.
- Burawoy M.* The State and Economic Involution: Russia through a China Lens // World Development. 1996. Vol. 24. N 6. P. 1105—1117. DOI: 10.1016/0305-750x(96)00022-8.
- Clark C.* The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London: Penguin, 2013.
- Cohen S.F.* Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War. NY: Columbia University Press, 2009.
- Cohen S.F.* Why Cold War Again? How America Lost Post-Soviet Russia. London and NY: I.B. Tauris, 2017.
- Copsey N., Pomorska K.* The Influence of Newer Member States in the European Union: The Case of Poland and the Eastern Partnership // Europe-Asia Studies. 2014. Vol. 66. N 3. May. P. 421—443. DOI: 10.1080/09668136.2013.855391.
- Forsberg T., Haukkala H.* The European Union and Russia. L.: Palgrave, 2016.
- Fukuyama F.* The End of History // The National Interest. 1989. N 16. P. 3—17.
- Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. NY: Free Press, 1992.
- Grabbe H.* The EU’s Transformative Power: Europeanization through Conditionality in Central and Eastern Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006.
- Hopf T.* Social Construction of Foreign Policy: Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999. Cornell, NY: Cornell University Press, 2002.
- Ikenberry G.J.* Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.
- Itzkowitz-Shiffrinson J.R.* The Malta Summit and US — Soviet Relations: Testing the Waters Amidst Stormy Seas. New Insights from American Archives. 26 July 2013. URL: <http://www.wilsoncenter.org/publication/the-malta-summit-and-us-soviet-relations-testing-the-waters-amidst-stormy-seas> (accessed: 11.07.2018).
- Karaganov S., Bordachev T.* Towards an Alliance of Europe. Analytical Report by the Russian Group of the Valdai International Discussion Club, September 2010. URL: <http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Alliance%20eng.pdf> (accessed: 11.07.2018).
- Karaganov S., Bordachev T.* Towards a New Euro-Atlantic Security Architecture. Report of the Russian Experts for the Valdai Discussion Club Conference, November 2009. URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/European_security_eng.pdf (accessed: 11.07.2018).
- Kasparov G.* Winter is Coming: Why Vladimir Putin and the Enemies of the Free World Must be Stopped. L.: Atlantic Books, 2015.
- Kozyrev A.* Partnership or Cold Peace? // Foreign Policy. N 99 (Summer, 1995). P. 3—14. DOI: 10.2307/1149002.

- Kratochvil P.* The Discursive Resistance to EU-Enticement: The Russian Elite and (the Lack of) Europeanisation // *Europe — Asia Studies*. 2008. Vol. 60. N 3. P. 397—422. DOI: 10.1080/09668130801947994.
- Krauthammer C.* The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. 1991. Vol. 70. N 1. P. 23—33. DOI: 10.2307/20044692.
- Laughland J.* The Tainted Source: The Undemocratic Origins of the European Idea. L.: Sphere, 1998.
- Legvold R.* Return to Cold War. Cambridge: Polity, 2016.
- Maas A.-S.* EU — Russia Relations, 1999—2015: From Courtship to Confrontation. L.: Routledge, 2016.
- Matlock J.F.* Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union. NY: Random House, 1995.
- Matlock J.F.* Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended. NY: Random House, 2004.
- Matlock J.F.* Super-Power Illusions: How Myths and False Ideologies Led America Astray — and how to Return to Reality. New Haven and L.: Yale University Press, 2010.
- Mazower M.* Dark Continent. L.: Vintage, 2000.
- McFaul M.* From Cold War to Hot Peace: The Inside Story of Russia and America. L.: Allen Lane, 2018.
- Prozorov S.* Understanding Conflict between Russia and the EU: The Limits of Integration. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016.
- Questioning Geopolitics: Political Projects in a Changing World-System* / ed. by G. Derluguian, S.L. Greer. Westport, Conn: Greenwood Press, 2000.
- Sakwa R.* Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands. L., NY: I.B. Tauris, 2016.
- Sakwa R.* Russia against the Rest: the Post-Cold War Crisis of World Order. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Sakwa R.* The Cold Peace: Russo-Western Relations as a Mimetic Cold War // *Cambridge Review of International Affairs*. 2013. Vol. 26. N 1. P. 203—224. DOI: 10.1080/09557571.2012.710584.
- Slobodchikoff M.O.* Building Hegemonic Order Russia's Way: Order, Stability, and Predictability in the Post-Soviet Space. Lanham, MD: Lexington Books, 2014.
- Smith M.A.* Russia and Multipolarity since the End of the Cold War // *East European Politics*. 2013. Vol. 29. N 1. P. 36—51. DOI: 10.1080/21599165.2013.764481.
- Stent A.E.* The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014.
- Towards a Greater Europe? A Continent without an Iron Curtain* / ed. by C. Crouch, D. Marquand. Oxford, Blackwell, 1992.
- Tsygankov A.P.* The Strong State in Russia: Development and Crisis. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- White S., Feklyunina V.* Identities and Foreign Policies in Russia, Ukraine and Belarus: The Other Europes. L.: Palgrave Macmillan, 2014.
- Zwolski K.* Wider Europe, Greater Europe? David Mitrany on European Security Order // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2016. Vol. 55. N 3. P. 645—661. DOI: 10.1111/jcms.12489.

Дата поступления: 02.10.2018

Для цитирования: *Саква Р.* Постъевропейский мир, или Что нас ожидает после инволюции Европы? Монизм и отношения с Россией. Часть 1 // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 837—858. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-837-858.

Сведения об авторе: *Ричард Саква* — доктор политических наук, профессор Университета Кента (Великобритания) (e-mail: r.sakwa@kent.ac.uk).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-837-858

Beyond the Involution of Europe? Monism and Relations with Russia

Part 1

R. Sakwa

University of Kent, Canterbury, United Kingdom

Abstract. The crisis in relations between Russia and the European Union (EU) is part of the broader breakdown of the post-Cold War security order. This essay focuses on structural interpretation and identifies four interlinked processes shaping the crisis: tension between the logic of the enlargement and transformation; a dynamic of involution and resistance; the problem of monism, whereby the expanding self is unable adequately to engage with the un-integrated other; and the recent emergence of ‘other Europes’ that may potentially overcome involution. The erosion of the Atlantic system provides an opportunity for delayed institutional and ideational innovation.

Based on the methodology of classical realism and modern constructivist theories, the author analyzes how the lack of mutual understanding and mistakes in understanding the intentions and actions of Russia, on the one hand, and the West, on the other, led to deep structural and cognitive contradictions that managed to renew confrontation between the Euro-Atlantic bloc and Russia.

The author comes to the conclusion that the impossibility of implementing the “Greater Europe” project with the participation of Russia led to a deepening of the contradictions between Russia and the West, and also forced Moscow to look for an alternative to European integration in the “Greater Eurasia” project. At the same time, the European Union also entered a crisis stage, as evidenced by Brexit.

Key words: Russia, the European Union, monism, “Greater Europe”, “Wider Europe”, “Smaller Europe”, post-bipolar world, involution

REFERENCES

- Averre, D. (2009). Competing Rationalities: Russia, the EU and the “Shared Neighbourhood”. *Europe — Asia Studies*, 61(10), 1689—1713. DOI: 10.1080/09668130903278918.
- Baranovsky, V. (2000). Russia: a Part of Europe or Apart from Europe? *International Affairs*, 76(3), 443—458. DOI: 10.1111/1468-2346.00145.
- Bordachev, T. (2009). *New Strategic Alliance. Russia and Europe before the Challenges of the 21st Century: the Possibility of a “Big Deal”*. Moscow: Evropa. (in Russian).
- Burawoy, M. (1996). The State and Economic Involution: Russia through a China Lens. *World Development*, 24(6), 1105—1117. DOI: 10.1016/0305-750x(96)00022-8.
- Clark, C. (2013). *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. London: Penguin.
- Cohen, S.F. (2009). *Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War*. NY: Columbia University Press.
- Cohen, S.F. (2018). *Why Cold War Again? How America Lost Post-Soviet Russia*. London, NY: I.B. Tauris.
- Copsey, N. & Pomorska, K. (2014). The Influence of Newer Member States in the European Union: The Case of Poland and the Eastern Partnership. *Europe — Asia Studies*, 66(3), 421—443. DOI: 10.1080/09668136.2013.855391.
- Crouch, C. & Marquand, D. (Eds.). (1992). *Towards a Greater Europe? A Continent without an Iron Curtain*. Oxford: Blackwell.
- Deluguian, G. & Greer, S.L. (Eds.). (2000). *Questioning Geopolitics: Political Projects in a Changing World-System*. Westport, Conn: Greenwood Press.

- Forsberg, T. & Haukkala, H. (2016). *The European Union and Russia*. London: Palgrave.
- Fukuyama, F. (1989). The End of History. *The National Interest*, 16, 3—17.
- Fukuyama, F. (1992). *The End of History and the Last Man*. NY: Free Press.
- Grabbe, H. (2006). *The EU's Transformative Power: Europeanization through Conditionality in Central and Eastern Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Hopf, T. (2002). *Social Construction of Foreign Policy: Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999*. Cornell, NY: Cornell University Press.
- Ikenberry, G.J. (2011). *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Itzkowitz-Shiffrin, J. R. (2013). The Malta Summit and US-Soviet Relations: Testing the Waters Amidst Stormy Seas. *New Insights from American Archives*. URL: <http://www.wilsoncenter.org/publication/the-malta-summit-and-us-soviet-relations-testing-the-waters-amidst-stormy-seas> (accessed: 11.07.2018).
- Karaganov, S. & Bordachev, T. (2009). *Towards a New Euro-Atlantic Security Architecture*. Report of the Russian Experts for the Valdai Discussion Club Conference, November. URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/European_security_eng.pdf (accessed: 11.07.2018).
- Karaganov, S. & Bordachev, T. (2010). *Towards an Alliance of Europe*. Analytical Report by the Russian Group of the Valdai International Discussion Club, September. URL: <http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Alliance%20eng.pdf> (accessed: 11.07.2018).
- Kasparov, G. (2015). *Winter is Coming: Why Vladimir Putin and the Enemies of the Free World Must be Stopped*. London: Atlantic Books.
- Kozyrev, A. (1995). Partnership or Cold Peace? *Foreign Policy*, 99 (Summer), 3—14. DOI: 10.2307/1149002.
- Kratochvíl, P. (2008). The Discursive Resistance to EU-Enticement: The Russian Elite and (the Lack of) Europeanisation. *Europe — Asia Studies*, 60(3), 397—422. DOI: 10.1080/09668130801947994.
- Krauthammer, C. (1991). The Unipolar Moment. *Foreign Affairs*, 70(1), 23—33. DOI: 10.2307/20044692.
- Laughland, J. (1998). *The Tainted Source: The Undemocratic Origins of the European Idea*. London: Sphere.
- Legvold, R. (2016). *Return to Cold War*. Cambridge: Polity.
- Maas, A.-S. (2016). *EU — Russia Relations, 1999—2015: From Courtship to Confrontation*. London: Routledge.
- Matlock, J.F. (1995). *Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union*. NY: Random House.
- Matlock, J.F. (2004). *Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended*. NY: Random House.
- Matlock, J.F. (2010). *Super-Power Illusions: How Myths and False Ideologies Led America Astray — and how to Return to Reality*. New Haven, London: Yale University Press.
- Mazower, M. (2000). *Dark Continent*. London: Vintage.
- McFaul, M. (2018). *From Cold War to Hot Peace: The Inside Story of Russia and America*. London: Allen Lane.
- Mezhuyev, B. (2017). “Island Russia” and Russia’s Identity Politics. *Russia in Global Affairs*, 2. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/number/Island-Russia-and-Russias-Identity-Politics-18757> (accessed: 20.07.2018).
- Primakov, E.M. (2014). *Challenges and Alternatives to a Multipolar World: the Role of Russia*. Moscow: MGU publ. (in Russian).
- Prozorov, S. (2016). *Understanding Conflict between Russia and the EU: The Limits of Integration*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Sakwa, R. (2013). The Cold Peace: Russo-Western Relations as a Mimetic Cold War. *Cambridge Review of International Affairs*, 26(1), 203—224. DOI: 10.1080/09557571.2012.710584.
- Sakwa, R. (2016). *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. London, NY: I.B. Tauris.

- Sakwa, R. (2017). *Russia against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Slobodchikoff, M.O. (2014). *Building Hegemonic Order Russia's Way: Order, Stability, and Predictability in the Post-Soviet Space*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Smith, M.A. (2013). Russia and Multipolarity since the End of the Cold War. *East European Politics*, 29(1), 36—51. DOI: 10.1080/21599165.2013.764481
- Stent, A.E. (2014). *The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Surkov, V. (2018). The Loneliness of the Half-Breed. *Russia in Global Affairs*, 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinchestvo-polukrovki-14-19477> (accessed: 9.05.2018).
- Tsygankov, A.P. (2014). *The Strong State in Russia: Development and Crisis*. Oxford: Oxford University Press.
- White, S. & Feklyunina, V. (2014). *Identities and Foreign Policies in Russia, Ukraine and Belarus: The Other Europes*. London: Palgrave Macmillan.
- Zwolski, K. (2016). Wider Europe, Greater Europe? David Mitrany on European Security Order. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 55(3), 645—661. DOI: 10.1111/jcms.12489.

Received: 02.10.2018

For citations: Sakwa, R. (2018). Beyond the Involution of Europe? Monism and Relations with Russia. Part 1. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 837—858. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-837-858.

About the author: *Richard Sakwa* — PhD, professor of Russian and European politics at the University of Kent (United Kingdom) (e-mail: r.sakwa@kent.ac.uk).

© Саква Р., 2018